

дни в году, «собачьи дни», когда солнце ближе всего к Сириусу, в связи с чем эта звезда видна именно в жаркие дни: польск. *kanikula*, слов. *kanikula* 'жара, зной' (ср.: греч. название Сириуса — *kyon* 'пес Ориона', отсюда греч. *kynokayma* 'собачья жара', нем. *Hundstagen*, англ. *dogsdays*, франц. *jours caniculaires*).

В южнославянских языках для обозначения жары, зноя используются лексемы с корнем **vg-*, который является одним из вариантов корня **var-/vog-*: макед. *вручина*, с.-х. *вруџина*, словен. *vročina*. Корень восходит к н.-е. **ueg-* 'жечь, зажигать' (ср.: арм. *vařem* 'зажигая', *vořim* 'горю', алб. *vorbë* 'глиняный горшок для варки', лит. *verdu, viti* 'бурлить, кипеть', лтш. *verdu, virt* 'кипеть') и является общеславянским (например, русск. *вар* 'кипящая вода', с.-х. *вар* 'жар', чеш. *var* 'кипение').

Польск. *skwar, skwaga* 'жара', блр. *сквара* 'жара', укр. *сквар* 'жара, зной' имеют общеславянский корень **skvar-*. Сближение с праслав. **skver-* (русск. *скверный*, блр. *скверня* 'нечистоты', укр. устар. *скверний*, чеш. *skvrna* 'пятно, порох', слов. *skvrna* 'порох', словен. *skvrna* 'нечистоты') закономерно с фонетической точки зрения (возможно, **skvyrn* → **skver-*, **skvyrn* → **skvor-*), однако семантически такое сближение маловероятно. Возможно, корень имеет звукоподражательную природу.

Итак, все корни, лежащие в основе славянских наименований температурных характеристик теплой погоды, являются праславянскими, а в большинстве случаев индоевропейскими: **tepl-*, **gor-*, **žeg-*, **pek-*, **znoj-*, **pal-*, **var-*. Примечательно, что многие из этих корней использовались первоначально не как собственно обозначения метеорологических явлений, а как наименования предметов быта или связанных с ними явлений (**znojь* 'пот', **žagъ* 'жар от раскаленных угольев') и действий (**pekti*, **paliti*, **variti*), что отражает связь хозяйственной деятельности человека с природой.

¹ Здесь и далее все индоевропейские соответствия даны по работе: Pokorny J. *Indogermanisches Wörterbuch*. Bern; München, 1959—1969. T. 1—2.

² См.: Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1967. Т. 2. С. 109.

³ См.: Младенов С. *Этимологически и правописен речник на българския книжовен език*. София, 1941. С. 194; Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika*. Zagreb, 1973. T. 3. S. 659.

⁴ См.: Бернштейн С. Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. М., 1961. С. 153.

⁵ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси, 1984. Т. 1. С. 257—258.

Р. А. ЧИЧИНСКАЯ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИМВОЛИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ИДИОСТИЛЕ Ю. БАЛТРУШАЙТИСА

Лирический субъект в идиостиле Ю. Балтрушайтиса является средоточием символических смыслов. Исходя из этого можно предположить, что все основные параметры символической модели мира осуществляются в рамках антропоморфной актуализации — в соотношении с символическим субъектом. Этим объясняется целесообразность структурно-семантического, а также функционального анализа лирического субъекта в идиостиле символистов, в данном случае — Ю. Балтрушайтиса.

Лирический субъект в идиостиле Ю. Балтрушайтиса может быть охарактеризован по двум семантическим параметрам: социальному и бытийному. Социальный статус субъекта обусловлен местом последнего в поэтически моделируемом социуме. Социальный субъект — это субъект активной творческой деятельности, преобразующий мир как материально, так и духовно. Социальный субъект локализуется в определенном, соответствующем его статусу пространстве. Это — *нива, поле* (субъект—

сеятель, пахарь, косарь, жнец); море, океан (субъект — кормчий); здание, дом, храм, замок (субъект — зодчий, строитель, каменщик, плотник); минарет (субъект — мулла); сад (субъект — садовник); рудник (субъект — раб). Не менее характерными являются атрибуты субъекта определенной деятельности: молот, плуг, посох, кирка, станок.

Бытийный статус субъекта определяется его соотносительностью со вселенной, космосом, универсумом. В идиостиле Ю. Балтрушайтиса бытийный субъект моделируется двумя способами: способом семантического замещения и способом лексико-семантического представления. Способ семантического замещения — это перевод субъекта из социального статуса в бытийный. Иначе говоря, при семантическом представлении меняется интенционал (смысл) имени субъекта, в то время как экстенционал имени остается неизменным¹.

Средствами перевода социального субъекта в бытийный служат прежде всего тропы. В следующем примере таким средством является развернутая предикативная метафора: *У людской дороги, в темный прах и ил, Сеятель безмолвный тайну заронил...* (ЛиС. С. 220)². Лексема «Сеятель» посредством предикативной метафоры переводится в класс общих имен. «Сеятель» — это символический субъект, носитель таинственного, сакраментального знания, недоступного для непосвященных.

Необходимо подчеркнуть, что социальный статус субъекта у символистов является более условным, чем бытийный, представляемый в мистической картине мира символистов как мифопоэтическая реальность. В этой связи различие двух статусов лирического субъекта является необходимой абстракцией, позволяющей выявить поэтические приемы символизации антропоморфной картины мира.

Наряду с метафорой таким приемом служит и сравнение, переводящее бытийную модальность в компаративную: *Как сеятель в полях земли родной, Принес он кротко к житнице вселенской, В дар бытию, горсть зерен полновесных* (ЛиС. С. 216). В отличие от метафоры сравнение не меняет полностью статус субъекта, а лишь способствует «мерцанию» поэтического смысла. Если сравнение, образно выражаясь, является мостом, переводящим изображаемое в подразумеваемое, то метафора, а также перифраза являются берегом, на котором подразумеваемое представит в своем свернутом (имплицитном) или развернутом (эксплицитном) виде: *Но Зодчий дней, в любви суровой, Торопит каждый взмах крыла, Чтоб мука смерти жизнью новой И новой юностью была...* (ЛиС. С. 186). В генитивной метафоре «Зодчий дней» символический смысл заложен в свернутом виде. «Зодчий дней» представляет собой бытийный субъект, не локализованный в определенном пространстве. В следующем примере символический смысл перифрастически представленных субъектов «раб», «пастух» раскрывается в предикативной конструкции в целом: *Ты звал меня, и бросил стадо Твой раб, Твой радостный пастух...* (ГТ. С. 123).

Использование лексемы в качестве определения социального статуса субъекта зачастую не имеет своей специфики в символической поэтике и в равной мере характерно как для символистской, так и для реалистической поэтики. Ср. использование лексемы «пастух» для определения социального статуса субъекта: *Где грозно смерть гнала свою метель, Теперь пастух поет в свою свирель...* (ЗС. С. 91).

Другим способом моделирования символического субъекта в идиостиле Ю. Балтрушайтиса является лексико-семантическое представление. В данном случае не происходит семантического замещения бытийного субъекта социальным. Символический смысл бытийного субъекта раскрывается при помощи экспликации субъекта состояния. Грамматическими средствами лексико-семантического представления служат обособленные и необособленные полупредикативные обороты. Стержневым словом полупредикативного оборота является причастие или причастие-субстанта. Употребление для обозначения символического субъекта причастия объясняется прежде всего его грамматическими свойствами —

возможностью качественной и временной экспликации субъекта состояния: *И нищим сердцем молви: Днесь Мир полноты открылся весь Нам, мукой сна объятый здесь* (Лис. С. 230). В приведенном примере полупредикативный обособленный причастный оборот «мукой сна объятые» является перифразой лирического субъекта. Как отмечается в «Русской грамматике», «временное значение полупредикативных оборотов совпадает с временным значением распространяемого предложения»³. Являясь носителем временной и признаковой семантики, полупредикативный причастный оборот выполняет функцию информативного ядра поэтического сообщения, а также экспрессивно-оценочной квалификации субъекта состояния.

Наряду с экспрессивно-оценочной квалификацией полупредикативный причастный оборот выполняет функцию вторичного наименования лирического субъекта. При этом интенционал сложного наименования характеризуется отсутствием соотнесенности с определенным денотатом, иными словами, поэтическое сообщение имеет смысл, не обладая значением, так как значение является, по определению Л. С. Выготского, «устойчивой зоной смысла, где устойчивость определяется контекстом»⁴, в то время как полупредикативный оборот не способствует созданию устойчивой зоны смысла. Характерной особенностью употребления полупредикативного оборота в рассматриваемом идиостиле является отсутствие синтаксической закреплённости его позиции и функции в поэтическом сообщении: *Грозно, грозно хмурит брови Витязь Солнца, вестник Крови, Вихрь в кругу объятых сном — Падай ниц, угрюмый гном!* (ГТ. С. 159). Если в вышеприведенном примере перифраза с синтаксической точки зрения является приложением, то в данном случае перифраза «объятые сном» выполняет двойную семантическую функцию: субъекта состояния/объекта прямой характеристики, или эмоционально-оценочной квалификации. Аналогичную семантическую функцию с точки зрения семантического синтаксиса выполняет полупредикативный оборот в следующем примере: *Мелькает-скользит вереница Гонимых на пир пустоты — Борьбой искаженные лица, Клейменные жизнью черты...* (ЗС. С. 83). Данное поэтическое сообщение представляет собой ступенчатую предикативную конструкцию: приложение выполняет функцию предиката, эксплицирующего признаки семантического субъекта, являющегося в свою очередь сложным наименованием, оформленным с помощью полупредикативного оборота. Предикат-приложение актуализирует символический смысл субъекта «Гонимые на пир пустоты», ассоциативно ему приписываемый. Означивание бытийного субъекта посредством полупредикативного причастного оборота способствует актуализации семантических признаков, которые можно обозначить словосочетанием «временная неволя»: *Дикий конь весь в мыле, в пене, Легче вихря, легче тени Мчится к дремлющим в пыли* (ГТ. С. 159). Причастный оборот «дремлющие в пыли» способствует актуализации «мерцающего» семантического признака «временный», благодаря лексическому значению причастия (дремлющий — неглубоко, чутко спящий). Подобное «нестрогое» наименование субъекта, подчеркивающее его «зыбкое, изменчивое» состояние в «земной неволе», согласуется с философскими воззрениями символистов, что в языковом выражении наиболее адекватно передает причастие, совмещающее значения действия с собственно определительным. Субстантивация причастия, опредмечивая как действие, так и признак, позволяет означить субъект как носителя закреплённого за ним состояния, общего для класса имен данной поэтической «картины мира». Так, в идиостиле Ю. Балтрушайтиса как лексическое значение стержневого слова полупредикативного оборота, так и значение распространяющего его символического имени или его заместителя способствуют актуализации семантики мира «явленного». Семантику данного мира характеризуют «мерцающие» семантические признаки: 1) «насильственное, земное, подневольное»: *Мы живем в плену суровом, Вечно в той же полумгле, Где печать о часе новом Лишь смущает тьмет-*

ным зовом Сон прикованных к земле (ЗС. С. 60). Символическое имя — «земля»; Он не слышит смуты дольной, Стона скованных в пыли (ЗС. С. 53). Метонимический заместитель символического имени — «пыль»; 2) «пассивность», «бездейственность»: Все знойнее, все отвесней Жизни светлый властелин — Луч живою песней Будит сонных средь долин; 3) «тленное», «бренное»: И вечно-вечно свет поющий Венчает тьму приявших прах — Молись, душа, заре грядущей, Забрезжившей в твоих слезах... (ЛиС. С. 236). Метонимический заместитель символического имени — «прах»; 4) «слепое», «бесцельное», «противоположное свету»: Только тревоге трудной, В сумраке роющих прах, Вспыхнет, как день изумрудный, Свет на майских холмах... (ЛиС. С. 236).

Однако символический смысл характеризуется амбивалентностью, поэтому он не может ограничиться миром «явленным». Благодаря семантической иррадиации как контактно, так и дистантно расположенных лексем в рассматриваемых нами синтагмах появляются противоположные семантические признаки, актуализирующие семантику мира «сущностей»: «свободное» (1), «активное» (2), «нетленное» (3), «прозрение», «свет» (4). Таким образом, символический смысл субъекта состояния разворачивается динамически, в перспективе. В следующем примере предикативная метафора эксплицитно выражает амбивалентный символический смысл субъекта состояния благодаря актуализации «мерцающих» семантических признаков, которые можно обозначить словосочетанием «высшая степень интенсивности желания»: В игре теней не скоро в смертной доле Искупит Солнце алчущих в бреду — Но я горжусь венцом суровой боли И чуда жду... (ЛиС. С. 179).

В результате моделирования бытийного субъекта способом лексико-семантического представления лексемы, актуализирующие схожий амбивалентный символический смысл, выстраиваются в парадигму, доминантой которой является семантический признак, наиболее адекватно представляющий смысл членов парадигмы. В нашем случае такой доминантой выступает инвариант «смертный»: «смертные» — дремлющие в пыли, объятые сном, прикованные к земле, сонные средь долин, приявшие прах, в сумраке роющие прах, алчущие в бреду.

Анализ выявляет изоморфизм всех членов рассмотренной парадигмы на лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

¹ «Под интенционалом вообще понимается совокупность семантических признаков, а под экстенционалом — совокупность предметов внешнего мира, которые — если говорить не об их существовании, а об их определении — определяются совокупностью признаков» (Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика. М., 1983. С. 20).

² Примеры из идиостиля Ю. Балтрушайтиса цитируются по изданиям: Лития и Серп. Вильнюс, 1983 (сокращенно ЛиС); Земные ступени. М., 1911 (сокращенно ЗС); Горная тропа. М., 1912 (сокращенно ГТ).

³ Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. С. 181.

⁴ Жоль К. Мысль. Слово. Метафора: Проблемы семантики в философском освещении. Киев, 1984. С. 238.

А. К. КИКЛЕВИЧ

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ МНОЖЕСТВЕННЫХ АКТАНТОВ

В теории семантического синтаксиса типологию актантов (в других терминологиях — аргументов, партиципантов, глубинных падежей, именных групп, предикатных предметов) принято осуществлять главным образом на основе описания их семантических функций (ролей) в интенциональном поле предиката. Данный подход получил название номинативного и даже ситуативного, однако многие существенные номинативные свойства актантов в рамках этого подхода остались невыявленными. Дело в том, что пропозиция (или семантическая структура